

НИКОЛАЙ ГАСТЕЛЛО

ЛЮДОЕДЫ ТОЖЕ ЛЮДИ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Г22

Оформление обложки Наталья Сырчина

Гастелло, Н. В.

Г22 Людоеды тоже люди / Н. В. Гастелло. — М. : РИПОЛ классик, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-386-15512-4

«Людоеды тоже люди» — иронический роман Николая Гастелло о работе московского политтехнолога Константина, которого американские заказчики отправляют в африканскую страну Южная Гордезия «имитировать демократические выборы». Вместе с бывшим спецназовцем Игорем герой сталкивается с абсурдом местной политики, цинизмом глобальных игроков, коррупцией, диктатурой и бытовой нищетой. Его миссия — создать видимость демократии, манипулируя местными элитами, колдунами и «оппозицией», а в реальности — выжить в мире, где человеческая жизнь и мораль теряют цену.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-386-15512-4

© Гастелло Н. В., текст, 2024
© Издание. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2026
© Оформление. Николай Гастелло,
2025

В лобби-барах огромных гостиниц у меня всегда появляется ощущение, что здесь мировое закулисье решает свои непротокольные вопросы. Особенно в городах, где поклонение презренному желтому металлу, теперь имеющему цвет темно-зеленой бумаги из недр федеральной резервной системы, слишком очевидно. Система давно перестала думать об обеспечении презренной зеленой бумаги валовым продуктом, создала глобальный мир и разделила инфляционные риски с партнерами, забыв с ними поделиться паролем к компьютеру, с которого разлетаются огромные денежные фонды. Теперь, когда включить печатный станок означает только нажать на «энтер», мир оказался в добровольных заложниках у системы. И когда жарить яичницу на завтрак, не понимаешь, что, пока яйцо летит до сковородки, твой счет в банке стал весить немного меньше в любой валюте. И так теперь будет всегда. Система поедает своих детей.

Я пришел в себя и освободился из своих мыслей оттого, что официант принес дополнительное халявное печенье, сразу после того, как он принес мне кофе с халяв-

ным печеньем. Ничего не могу с собой поделать. Раньше еще я журналы с собой уносил в знак протеста против стоимости номера гостиницы. Сейчас выходить с полиграфической продукцией стало как-то неловко, словно я какой-то кинестетик и не могу в Сети чего-то прочесть. Остаются только печенья.

Я прилетел в Эмираты рано утром. Летел бизнес-классом за чужой счет, вселился в эту гостиницу за чужой счет, успел на завтрак и, хотя съел два завтрака по доброте стюардессы в полете, тут уже съел страшное количество дорогого сыра без хлеба, чтобы больше влезло за чужой счет. Потом поспал на хрустящей от чистоты простыне. И вот вышел на встречу, ради которой прилетел, в лобби на час раньше, чтобы успеть перед обедом за чужой счет выпить кофе за чужой счет и разгрузить бар на халявные печенья. Разгрузка империалистов — моя главная функция в жизни. Империалисты нужны, чтобы мы, мелкие буржуи, думали, что тоже можем стать капиталистами за счет империалистов.

Экономическое университетское образование мне все время мешает расслабляться и мечтать. Это тяжелое испытание. Я так заколебался рефлексировать о мировой экономике и международных финансах, что иногда хотелось психануть и разработать теорию справедливого распределения мировых финансов и взорвать весь этот мир вместе с системой и прочими национальными финансами.

Тут я понял, что опять улетел в толщи подсознания, и решительно вернулся в лобби. Кондолиза Райс уже была там и о чем-то разговаривала с Назарбаевым. Без переводчика и помощников. Конечно, она профессионал. Выучила русский, еще когда он был языком стратегического врага. Интересно, она китайский уже учит или надеется не дожить до времени, когда учить китайский будет уже поздно. Я, по крайней мере, надеюсь умереть своей кончиной, в глубокой старости, когда сдаваться будет еще

рано, а надеяться уже поздно, но мне будет уже пора и так не надеяться.

Кондолиза очень тепло общалась с бывшим первым президентом Казахстана. На прощание пожала ему руку и долго улыбалась в спину на случай, если их встречу писали на видео казахстанские спецслужбы и сейчас побегут докладывать хитрому и всегда продуманному Назарбаеву, как она себя вела, пока он шел на выход. Но как только швейцар закрыл входную дверь за последним охранником, она сразу достала мобильный и начала кому-то звонить. Мой телефон громко ответил — я специально поставил самый пронзительный звонок и сделал его на максимальную громкость, чтобы наши отношения завязались вначале на невербальном уровне. Кондолиза услышала звонок, обернулась, я встал и показал ей свой телефон. Она отключилась, и мы пошли навстречу друг другу. Это тоже была часть плана, чтобы я мог ее галантно проводить до моего стола, немного нарушая гендерные принципы невмешательства полов. Рассчитал я все точно. Эти бывшие президенты в публичных местах ничего не заказывают, чтобы враги помучились, ища их упавший волос или сальный след их ладоней на ручках кресел, прежде чем узнать их ДНК, от которой никакого толку, кроме квартальной премии тем, кто нашел. И за их столом ничего не было, а за моим — пресс с кофе-филтром, который я не люблю, но он виден лучше издалека, и тарелка с дополнительным халявным печеньем. В итоге я галантно, что простительно теперь только русскому, проводил ее за свой стол и, прежде чем сесть, коротким наработанным движением подозвал официанта. Теперь мне было интересно, откажется она от кофе или нет, но, похоже, встреча с таким малозначащим в мировой политике человеком, как я, была для нее отдыхом. Она попросила капучино и очень по-девчачьи взяла печенье и с удовольствием от него откусила кусок килокалорий на десять. Я тоже взял печенье и громко хрустнул в ответ.

Кондолиза совсем не натянуто улыбнулась.

— Вы давно здесь?

Врать было опасно, она могла зафиксировать всех за столами, когда пришла, а намекать, что я специально пришел раньше и следил за ее встречей с Назарбаевым, неприлично. Тем более я все продумал и, когда выбирал, куда сесть, специально оставил место лицом к входу в гостиницу для Кондолизы, помня о ее заслугах перед национальной безопасностью США.

Я показал на часы, которые висели так, что встречу Назарбаева с Райс тот, кто видит эти часы, мог и не заметить.

— Судя по этим стрелкам, около часа. Я люблю сидеть в лобби-барах. И всегда опаздываю, когда думаю, что мне только спуститься в лобби.

— О да. Ощущение близости места встречи очень опасно.

— Я где-то читал, что люди, которые живут рядом с работой, опаздывают в два раза чаще тех, кому ехать изда-лека.

— Так вот почему президенты США живут прямо на работе, — уже явно немного натянуто пошутила Кондолиза.

Есть такой момент в начале первой встречи, когда говорить на отвлеченные темы уже ни к чему, но и промолчать некрасиво. И я наклонился вперед, чтобы Кондолиза почувствовала, что я готов ее услышать. Глуповато, конечно, это делать, когда прилетел из очень далека и летел очень далеко с двумя пересадками только ради встречи с ней. Но это уже очень въевшаяся привычка демонстрировать свою лояльность и заинтересованность в решении чужих проблем клиенту, который еще не начал платить.

— Мы ищем эффективного политтехнолога для работы в Южной Гордезии. У нас есть все основания предполагать, что это вы.

— Почему американцы ищут русского технолога? Вы все придумали. Мы только ваши имитаторы с недавних пор.

— У проекта есть некоторые особенности, которые трудно принять американцу. Во-первых, это африканская страна. Все живущие там черные. А наши белые технологи сегодня могут быть переполнены чувством вины после известных событий.

— Неужели все расисты? Или комплексуют перед черными, что про них могут подумать, что они расисты?

— Нет, конечно. Но риск велик, а ставки высоки.

— Я очень извиняюсь. А почему нельзя послать технолога-афроамериканца? Я даже знаю одного, он, правда, много лет проработал в России... Джоник...

— К сожалению, они все демократы, — грустно улыбнулась афроамериканка, — а этот проект курируют республиканцы.

— Нам трудно разбираться в деталях вашей политической кухни.

— Нам тоже. Но в любом случае есть еще одна причина, по которой не годится американский технолог. Там нет никаких условий для демократических выборов. Поэтому демократические выборы придется имитировать. Американский технолог сойдет с ума от такой задачи. Поэтому мы к вам и обратились. Русского технолога не смутит такой работой. Тем более лично у вас большой опыт в молодых демократиях на постсоветском пространстве. И вы каждый раз отлично справлялись, демонстрировали хорошую явку и высокие требования к демократии.

«Которой там немного», — подумал я и честно ответил.

— Спасибо. — Мне показалось, я собирался ответить смелее, но что-то само собой куда-то потерялось.

— Итак, вас ничего не смущает?

— Абсолютно. Кто будет платить?

— Хороший вопрос. Не зря мы на вас остановились. Есть некий спонсор. Бизнес-структура. Очень заинтересованы в объединении Гордезий. Нам нужно признание

выборов, чтобы мы открыли в Южной Гордезии американское представительство и попробовали решить этот вопрос цивилизованным путем.

«То есть пустите козла в огород, уважаемые южные гордезийцы», — подумал я.

— Участвовать в цивилизационных, амбициозных проектах очень приятно любому политическому консультанту.

— Отлично. Большую команду привезти не получится. Все иностранцы там на виду. Постарайтесь взять одного помощника и остальных найти на месте.

— Тогда я не смогу гарантировать красивую картинку.

— Именно поэтому мы и просим вас не брать с собой команду. Первые демократические выборы в Южной Гордезии должны выглядеть естественно. А значит, без красивой картинки и с накладками в организационном процессе.

— Трудно, но можно.

— Ваш дядя в курсе нашей встречи.

— Он меня предупредил.

— Простите, что мы его поставили в известность, но у нас с ним сложились тяжелые, но рабочие отношения. Он очень упертый переговорщик. Но решения приняты на самом верху. Мы не можем рисковать.

— Понимаю.

— Доложите тогда сами дяде итоги нашей встречи.

Тут на какое-то мгновение Кондолиза потеряла над собой контроль. И как тень пролетела покровительственная улыбка. Давай, мальчик. Доложи все дяде. Ты думаешь, я тебя не спалила сразу в лобби, когда ты следил за моей встречей с Назарбаевым? Или не знаю, как через дядю ты получал контракты в разных недоразвитых демократиях? Все знаю. Ты для меня открытая на старой закладке бумажная книга.

Это мгновение меня потрясло. Я понял, что она меня считает кадровым разведчиком. Плохим разведчиком, который спалился на ровном месте. Который сейчас

побежит на доклад к смежнику дяде. И такое на меня накатило возмущение. Во-первых, наши разведчики самые лучшие, попробуйте вы, американцы, что-нибудь разведать или кого-нибудь завербовать без денег и без идеи. А наши тридцать лет делают вид, что это делают. А во-вторых, я не плохой разведчик, а хороший пиарщик. И такое на меня накатило желание уделать прямо сейчас очень хорошего разведчика и дипломата. Аж скулы свело.

— Кондолиза, а можно вас попросить сделать со мной селфи? Нечасто встречаешься с такими легендарными людьми.

Кондолиза искусственно-вежливо улыбнулась. Я встал рядом и сделал селфи. А потом быстро, не показывая ей и не рассматривая, что там вышло, сам отправил селфи в Сеть. И почти мгновенно меня лайкнуло несколько френдов.

— Вот что значит легендарный политик в кадре! Смотрите! Уже пять лайков!

Я развернул телефон экраном к Кондолизе. А она вдруг рассмеялась, поняв свою ошибку и расслабившись по моему поводу.

— И можно вас попросить? Поговорите по результатам нашей встречи с дядей. Это все-таки не мой уровень за вас докладывать.

Так у меня сложились отличные личные отношения с бывшим госсекретарем дяди Сэма. Уделать я ее, конечно, не уделал, но свел счет к нулям, к обоюдному удовольствию.

Я был очень доволен встречей, хотя понимал, что без дяди тут не обошлось.

Дело в том, что мой дядя — генерал ФСБ. А его младший, на десять минут, брат, который случайно мой отец, — сектант. Он бросил нас с матерью, когда мне было совсем мало лет, я даже не помню сколько, потому что, в принципе, не помню его в детстве. Мой биологи-

ческий папаша ушел к другой женщине, женился на ней, и они вместе начали голодать. Вначале по Полю Брэггу, потом по жизни. Потом они увлеклись какими-то славянскими ведунами и поселились в какой-то общине в заброшенной деревенской избе. По версии их ведунов, конец света наступит, когда во всем мире пропадет электричество. Нет, не в розетках, что тоже неприятно, а вообще. Из этого я позже сделал вывод, что в школе волхвы не учились, как и мой папаша с его новой женой. В общине папаша поднялся. Начал печь хлеб и варить пармезан. Стал уважаемым членом общины. Община, не особо напрягаясь, пользовалась электричеством, кроме дней, в которые они тренировали конец света и все пользовались лучинами. Но когда минула третья дата, в которую должно было пропасть электричество, мой папаша заволновался. А тут еще мой дядя заехал к нему при случае и привез ноутбук в подарок к их общему дню рождения. И привез много игр в надежде, что братец подсядет на компьютерные игры, которые тогда размножались еще дисками, увлечется и захочет вернуться в город, потому что там будут новые игры. Дядя — продуманный чекист, ничего просто так не делает, и все сработало. Папаша потерял интерес к пармезану, но стал волноваться за мировое электричество, так как его потеря привела бы к выключению его ноутбука. А тут еще уже третье предсказание не сбылось, и папаша потребовал от главного волхва ответа. Волхв назвал новую дату, объяснил провал старых дат плохой дисциплиной в общине. Но тут один из новеньких, кто учился в школе, — хотя и не пригодилось — поднял вопрос об электрическом скате, который вырабатывает пятьсот вольт, когда на него наступит дебил в отпуске на теплом море. И новенький спросил: «А у скатов — а то жалко рыбу! — электричество останется?» А когда волхв сказал, что нет, новенький заплакал. И размочил своими слезами чудовищную атмосферу тоталитарной секты. Мой папаша воспользовался момен-

том и объявил о создании собственной общины, расколов общину прежнюю. Но больше он ни на что был не способен, поэтому власть в новой общине захватили какие-то упыри, которые объявили, что электричество вечно, а придет стандартный потоп. В потоп папаша не поверил и оставил новую общину без хлеба и пармезана. А сам переехал в город, но не вернулся в Москву, как надеялся дядя, чтобы хоть иногда мне показывать кровного папашу, а поселился в маленьком, бывшем промышленном городке, где нашел совсем небольшой, целый и заброшенный детский сад, который почему-то не отключили от электричества и тепла. И там он провел несколько лет. Папаша завел лечебную практику, которая позволяла ему все свободное время играть в игры. Они с женой стали принимать мнительных пациентов с целым ворохом тяжелейших и обычно неизлечимых заболеваний, с точки зрения официальной медицины, к которой пациенты даже не обращались, испытывая к ней тотальное недоверие. Папаша и его жена были светом во тьме невежества для своих пациентов. Обкуривали их дымом разных трав, назначали им обнимание тоже разных деревьев, заваривали чай из таежных шишек. И предлагали прочие возвращения к своим корням. В общем, надеюсь, покалечить никого не могли, а вылечить могли любую придуманную клиентами болезнь. Были успехи даже в лечении венерических заболеваний. Потом завод, при котором был детский сад, вновь заработал в полную силу, и к ним пришли удивленные эффективные менеджеры. Папаша расценил это как знак и немедленно покинул городок, оставив своих пациентов на расправу карательной психиатрии. Папаша нюхом почуял, что время чудес в стране закончилось, и действительно вернулся в Москву. Купил квартиру с видом на Лосиный остров на пожертвования спасенных им неизлечимых пациентов, два велосипеда и пароварку. Когда я с ним все-таки познакомился, он был в отличной форме: часть зубов выпала, другая часть

собиралась выпасть, он был убежденным сыроедом и во всех своих бедах обвинял пароварку. Вот такая семейка. Один брат — генерал ФСБ, а другой — идиот, хотя далеко не без талантов.

В связи с тем, что я и мама остались одни, дядя Юра взвалил на себя все обязанности по моему воспитанию. Если честно, он мне и был за отца, мог бы быть и отцом, если бы сам все время не мечтал, что мой отец еще придет в себя, и если бы с годами сам дядя Юра не стал таким душным и продуманным чекистом.

А начинал он отличным и находчивым оперативником. Его карьера пошла резко вверх, когда в двухтысячном он единолично ликвидировал ваххабитское подполье в одном из городов Дагестана. Дядя Юра прибыл в город из центрального аппарата старшим оперативной группы из двух человек, получил от местных списки подполья и начал оперативную разработку. Самый интересный объект был хозяин, он же директор крупного автосервиса. Транспорт и оружие всегда требуют первой проверки. Прибыв в сервис в качестве нового сотрудника пожарной охраны, дядя Юра стал внимательно водить жалом и отмечать подозрительные факты, места возможного хранения оружия, подозрительных работяг, запоминать номера машин на ямах. И в эту минуту его сгреб в кучу огромный пожилой дагестанец, дядя Юра даже подумал, что это конец. Но это было начало его карьеры как оперативника, который не только ликвидирует подполье, но и установит бесспорный оперативно-разыскной признак, позволивший ему это сделать. Когда огромный дагестанец его отпустил, выяснилось, что это он так поздоровался.

— Как ты вовремя! Сейчас будем кушать!

И ровно через минуту дядя Юра был затащен в кабинет хозяина, а на столе в кабинете хозяина появилось отварное тесто с отварным мясом и лепешка с сыром, которая как хачапури, но не хачапури, скорее как хычин, но не хычин, и вообще там творог, а не сыр. Дядя на всю

жизнь выучил эти два имени — хинкал и чуду, которыми его кормили ваххабиты из подполья, кормили его при каждой встрече. В результате чего, когда по возвращении в Москву дядя получил внеочередное звание, чтобы сфотографироваться на удостоверение, ему пришлось перешивать пограничный мундир, в котором он думал фотографироваться до гроба или до генерала. И больше никогда размеры дяди Юры уже не были прежними.

Когда ушел первый кусок баранины с первым куском теста, хозяин начал мяться и виновато смотреть на стол. А потом очень трогательно спросил:

— Тебе не сухо?

— Вроде сухо, — ответил дядя, поерзав чекистским задом по стулу.

Хозяин сразу расплылся в счастливой улыбке и достал откуда-то из-под стола бутылку коньяка. Дядя понял, что он только что ликвидировал ваххабитскую ячейку, установленную местными коллегами в результате кропотливой агентурной работы. Но уходить было уже поздно. Дядя даже не знал раньше, что коньяк пьют бокалами. Только уходя, дядя чуть не провалил операцию, когда с огромным трудом не взял у хозяина сервиса деньги. Дядя кричал:

— За что?

— Как за что? Ты мой гость! А у меня огнетушители просроченные!

Утром дядя Юра проснулся с точным пониманием, что делать с ваххабитским подпольем в этом городе. Отправив молодого и еще не проверенного послеслужебным пьянством в свободное от жен и начальства время второго члена оперативной группы в секретную часть читать дела, дядя вышел на тропу войны с ваххабитским подпольем. И по всем адресам ему наливали. Появлялся он там как пожарный, как санитарный врач, как сотрудник министерства образования или по делам национальностей, ему везде наливали. А где кормили, там почему-то везде были хинкал и чуду. И только один заместитель главного

